

Проверено 1961 г.

4/6

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

МАЙ 2008

3.35

Фундаментальная

~~В 1143~~

Проф. Максимъ Ковалевскій.

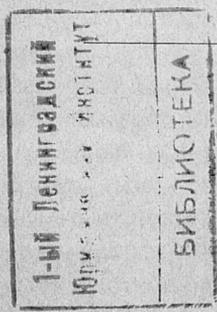
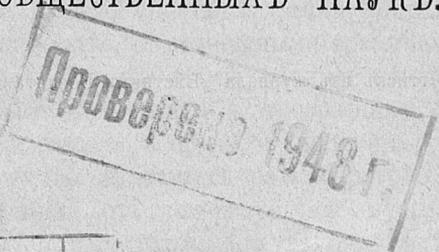
II
K561

О ЗАДАЧАХЪ ШКОЛЫ

ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

64468

~~888~~
3/32.

МОСКВА.

Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнеревъ и №. Пименовская ул., с. д.
1903.

19/11

Оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“.

О задачахъ школы общественныхъ наукъ ¹⁾.

Не въ первый разъ приходится мнѣ говорить русскому студенчеству о тѣхъ задачахъ, какія ставитъ себѣ всякая школа общественныхъ наукъ и созданная нами въ частности, — не въ первый и, вѣроятно, не въ послѣдній: такъ обширна и мало еще обслѣдована эта плохо обмежеванная, скажу болѣе, съ подвижными границами, область обществовѣдѣнія. Чтò только не обнимается ею? и исторія, и археологія, и географія, и этнографія, и статистика, и экономика, и мораль, и право, и политика, и художественное творчество въ самыхъ разнообразныхъ его проявленіяхъ, начиная отъ литературы и музыки, и кончая живописью и пластикой. Для тѣхъ, кто не видитъ необходимости или не допускаетъ возможности объединенія всей этой массы знаній единой наукой о законахъ, управляющихъ ростомъ общественности, только что перечисленныя мною конкретныя дисциплины кажутся случайно сближенными отдѣлами программъ филологическаго и юридическаго факультетовъ. Но сами эти факультеты въ старые годы, находя большую часть этихъ дисциплинъ непосильнымъ для себя бременемъ, готовы были выдѣлить ихъ въ особую группу камеральныхъ наукъ, наукъ, знакомство съ которыми особенно рекомендовалось будущимъ адми-

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ Парижской высшей русской школѣ общественныхъ наукъ при возобновленіи занятій въ 1902 году.

нистраторамъ. Въ наши дни, съ момента упраздненія камеральныхъ факультетовъ, тѣ конкретныя знанія, на которыхъ возвышается еще недостроенное зданіе соціологіи, снова разсѣяны по разнымъ школамъ. Юристы рѣдко когда слышатъ объ исторіи, географіи и этнографіи, какъ историки—рѣдко когда о статистикѣ и правѣ. Что въ поступательномъ движеніи живописи или литературы отражается вліяніе переживаемой народомъ общественной эволюціи, объ этомъ каждому предоставляется составить себѣ понятіе независимо отъ университетскаго преподаванія при помощи журнальной критики и газетныхъ фельетоновъ. И вотъ намъ показалось, что собрать въ одномъ фокусѣ всѣ эти взаимно восполняющія другъ друга, тѣснѣйшимъ образомъ связанныя между собою знанія и на почвѣ ихъ представить, если не самостоятельныя попытки возведенія абстрактнаго обществовѣдѣнія на степень науки, то по крайней мѣрѣ критику сдѣланныхъ другими попытокъ въ томъ же направленіи, будетъ дѣломъ и новымъ, и полезнымъ. Что оно ново, слѣдуетъ уже изъ сказаннаго мною объ отсутствіи въ современномъ университетскомъ преподаваніи того, что съ большимъ, или меньшимъ правомъ могло бы быть названо факультетомъ общественныхъ наукъ. Что это дѣло полезное само по себѣ, вытекаетъ изъ того, что не проходитъ дня безъ постановки любымъ изъ васъ ряда общественныхъ вопросовъ и попытки того или другого ихъ рѣшенія апріорнымъ путемъ, и по тому самому не научнымъ; и это въ то время, когда накопленъ уже значительный запасъ историческаго опыта и систематическихъ наблюденій надъ современностью, запасъ, позволяющій дать научное рѣшеніе тѣмъ же вопросамъ. Въ самомъ дѣлѣ, не толкуемъ ли мы, чуть не ежедневно, о преимуществахъ протекціонизма и свободной торговли, правительственнаго вмѣшательства и невмѣшательства, необходимости и пользы свободнаго самоопредѣленія личности, преимуществъ и невыгодъ политической и административной централизаціи, и т. д., и т. д., обыкновенно безъ вся-

кихъ историческихъ справокъ съ тѣмъ, какія послѣдствія въ разныхъ условіяхъ имѣлъ протекціонизмъ и свободная торговля, вмѣшательство и невмѣшательство и т. п.

Но какая польза, спрашивается, отъ такого сближенія морали и экономики, политики и права, и не лучше ли были бы изучать каждую изъ этихъ наукъ въ отдѣльности, пользуясь всѣми тѣми выгодами, какія представляетъ спеціализація занятій? Я думаю, что *raison d'être* нашей школы именно лежитъ въ такомъ сближеніи, оно одно можетъ предостеречь отъ той односторонности, съ какой экономисты манчестерской школы, напримѣръ, видѣли и видятъ въ человѣкѣ существо, единственно озабоченное накопленіемъ богатствъ, помимо всякихъ соображеній объ общемъ благѣ и общественной солидарности. Столь же гипотетическимъ существомъ, какъ и придуманный экономистами *homo economicus*, является тотъ всецѣло поглощенный интересами общаго блага *homo politicus*, о которомъ мечталъ въ древности не одинъ Платонъ, а въ новое время не одинъ Макиавелли, человѣкъ, для котораго интересы семьи, домашней и общественной нравственности отступаютъ на задній планъ, и который готовъ пожертвовать даже свободою самоопредѣленія тому, что Римляне называли *salus populi*, а итальянцы эпохи возрожденія устами Ботеро — государственною необходимостью, *gagion di stato*. Никакая общественная и политическая схема не можетъ поэтому серьезно отпираться отъ допущенія, что люди готовы пожертвовать собою для ближнихъ, и настоящимъ для будущаго. Изъ всего же этого кажется возможенъ только тотъ выводъ, что ни экономика, ни политика, ни мораль, въ своей односторонности, еще не могутъ дать намъ отправной точки для разсужденій, ставящихъ себѣ задачей опредѣлить условія поступательнаго движенія человѣческихъ обществъ; только имѣя въ виду жизнь людей въ средѣ имъ подобныхъ и преслѣдованіе ими одновременно задачъ собственнаго благополучія и общаго блага, можемъ мы придти къ вѣрно-

му представленію о дѣйствительной природѣ человѣка, въ полномъ соотвѣтствіи съ которой должна развиваться одинаково его личная, домашняя, общественная и политическая дѣятельность. Не даромъ же основатели науки объ обществѣ и объ управляющихъ его развитіемъ законахъ, будемъ ли мы считать ими—Конта, или Спенсера, не говоря уже о болѣе раннихъ предшественникахъ, всегда отправлялись отъ признанія наличности въ человѣкѣ въ разной степени эгоизма и альтруизма. Новѣйшія наблюденія надъ общественною жизнью животныхъ, какъ и ближайшее знакомство съ бытомъ дикарей, позволили расширить эту гипотезу объ ограниченіи себялюбивой борьбы за существованіе проявленіями общественной солидарности не только у низшихъ представителей человѣческой расы, но также въ царствѣ насѣкомыхъ, птицъ и млекопитающихъ. Суверланду удалось показать зарожденіе у животныхъ и дикарей альтруистическихъ чувствъ изъ заботливости о подростящихъ поколѣніяхъ и о ближайшей виновницѣ ихъ рожденія, а другому извѣстному ученому, въ появившемся въ нынѣшнемъ году сочиненіи Mutual Help, прослѣдить за развитіемъ этого чувства общественной солидарности, начиная отъ животныхъ, переходя къ дикарямъ и варварамъ и оканчивая деревенскими и городскими общинами среднихъ вѣковъ. Съ этой точки зрѣнія новый смыслъ и значеніе приобрѣтаютъ, напримѣръ, тѣ общественныя помочи, которыя доселѣ удержались въ средѣ нашего крестьянства, и которымъ мы находимъ не одинъ примѣръ въ англійскихъ, французскихъ или нѣмецкихъ общинахъ 12 и 13 вѣка, съ ихъ такъ называемыми *angariae* или *loveboones*, т.-е. тягостями, принимаемыми любви ради, «тягостями» или работами позволяющими, какъ и у насъ, запоздавшему сосѣду во время произвести уборку сѣна или хлѣба, или въ нѣсколько дней возстановить хату погорѣвшаго поселянина, и т. д., и т. д. Поднятая до этихъ высотъ исторія перестаетъ быть рассказомъ о людяхъ и событіяхъ, временно остановившихъ на

себѣ вниманіе современниковъ, и становится эпопеей поступательнаго роста гуманитарныхъ чувствъ.

Такая исторія интересуетъ и измѣненіями въ ходѣ производства, обмѣна и распредѣленія, насколько въ нихъ сказывается все въ болѣе и болѣе широкихъ кругахъ сознаніе человѣческой солидарности. Она въ равной мѣрѣ слѣдитъ и за ростомъ этого сознанія въ политической сферѣ, по мѣрѣ того какъ путемъ договоровъ, союзовъ и созданія международнаго оборота и международнаго права — человѣчество все сильнѣе и сильнѣе проникается убѣжденіемъ, что во взаимной помощи и поддержкѣ лежатъ условія его поступательнаго хода. Исторія раскрываетъ предъ нами и въ постепенной замѣнѣ національныхъ религій религіями міровыми эту же тенденцію къ распространенію сферы общественной солидарности. Въ развитіи художественнаго творчества, въ выработкѣ захватывающихъ все болѣе и болѣе широкіе круги эстетическихъ вкусовъ и идеаловъ, та же исторія указываетъ и на необходимое послѣдствіе сближенія націй и расъ, и проявленіе подъ вліяніемъ этого сближенія того процесса подражанія, которому мы всего болѣе обязаны нашей ассимиляціей. Наконецъ, въ постепенномъ накопленіи общаго всѣмъ положительнаго знанія и опирающейся на немъ научной техникѣ, та же исторія указываетъ на прочный фундаментъ, на которомъ развивается прогрессирующая и расширяющая свою сферу гражданственности или культура. Мнѣ едва ли удалось въ немногихъ и по необходимости сжатыхъ положеніяхъ передать и десятую часть тѣхъ истинъ, какими призвана обогатить насъ исторія, понятая не какъ простая забава, даже не какъ искусство, а какъ истолковательница нашей духовной природы, насколько послѣдняя является результатомъ наслѣдственной передачи нажитыхъ способностей. Того немногаго, что было сказано мною, достаточно для того однако, чтобы показать причину, по которой къ одновременному изученію въ нашей школѣ права и этики, политики и экономики будетъ приложенъ историческій методъ. Чтобы

убѣдить васъ на частныхъ примѣрахъ въ той пользѣ, какую приносятъ изученію только что указанныхъ нами общественныхъ наукъ методъ разсмотрѣнія фактовъ въ порядкѣ ихъ исторической послѣдовательности и роста, позвольте мнѣ остановить ваше вниманіе хотя бы на той же области политической экономіи, генезису которой посвященъ будетъ одинъ изъ моихъ курсовъ въ нынѣшнемъ году. Изъ всѣхъ общественныхъ наукъ едва ли какая въ большей мѣрѣ пользуется дедуктивнымъ методомъ и кажется на первый взглядъ болѣе отрѣшенной отъ необходимости простой индукціи. Одинъ изъ главныхъ ея представителей въ наши дни, Вальрасъ, вмѣстѣ съ англичаниномъ Эджворсомъ и рядомъ другихъ, болѣе раннихъ предшественниковъ и современныхъ послѣдователей, считаютъ экономіку настолько дедуктивной наукой, что признаютъ возможнымъ примѣненіе къ ней математическаго метода. Но если задаться вопросомъ, какъ возникли первоначально ея основныя теоремы, то по отношенію къ нимъ придется признать справедливой точку зрѣнія Милля, полагавшаго, что всякая аксіома, даже та, которая гласитъ, что дважды два—четыре, имѣетъ своимъ источникомъ опытъ. Въ самомъ дѣлѣ, знакомство со старинными экономическими теоріями, которое Жанъ Батистъ Сэ признавалъ вполне празднымъ занятіемъ, такъ какъ видѣлъ въ немъ одно изученіе старыхъ предразсудковъ, какъ нельзя лучше раскрываетъ предъ нами тотъ путь медленно накапливающагося опыта, которымъ вызваны были къ жизни сперва невѣрныя, затѣмъ болѣе или менѣе правильныя и наконецъ безспорныя положенія современной исторіи производства и обмѣна. Возьмемъ для примѣра хотя бы ученія о роли раздѣленія труда или о роли денегъ, и въ частности монеты въ области народнаго хозяйства. На выгодность раздѣленія труда въ смыслѣ сокращенія времени производства и увеличенія массы доставляемыхъ имъ продуктовъ наводитъ впервые опытъ, съ одной стороны, египетскихъ касть, практиковавшихъ это дѣленіе

въ широкой степени, а съ другой—средневѣковыхъ ремесленныхъ корпорацій или цеховъ. Платонъ, знакомый, благодаря личнымъ наблюденіямъ, съ порядками кастового устройства, по вѣрному замѣчанію Эспинаса, первый въ древности указываетъ на выгоды раздѣленія труда, а когда въ 16-омъ и 17-омъ столѣтіяхъ отдаленные предшественники Адама Смита, въ томъ числѣ извѣстный Вилльямъ Петти, ставятъ снова вопросъ о пользѣ, какую народное хозяйство можетъ извлечь изъ широкаго примѣненія системы раздѣленія труда, они ссылаются на опытъ селящихся отдѣльными улицами и кварталами ремесленниковъ одного и того же цеха и на распоряжки, заставляющіе, — положимъ, въ шерстяномъ или металлическомъ дѣлѣ, — поручать производство отдѣльныхъ частей одного и того же продукта разнымъ рабочимъ. Возьмемъ другой примѣръ, на которомъ легче видѣть, какъ возникшія на почвѣ недостаточнаго опыта и потому ошибочныя теоріи, не выдержавъ искуса позднѣе накопленныхъ и болѣе разностороннихъ наблюденій, уступаютъ мѣсто болѣе правильнымъ теоріямъ, въ свою очередь восполняемымъ или видоизмѣняемымъ подѣ вліяніемъ новой исторической ихъ провѣрки и переходящимъ наконецъ въ основныя теоремы современной науки. Воззрѣніе на деньги и въ частности на золотую и серебряную монету, какъ на орудіе обмѣна, составилось еще въ древности подѣ вліяніемъ жизненной практики, въ которой общераспространенные предметы потребленія, въ томъ числѣ скоть и кожа, какъ показываетъ самый латинскій терминъ денегъ, «resipia», играли роль мѣновыхъ знаковъ ранѣе изобрѣтенія чекана. Но что золото и серебро, входящія въ составъ денегъ, являются вмѣстѣ съ тѣмъ товаромъ, эта истина также не могла укрыться отъ глазъ лицъ и народовъ, унаслѣдовавшихъ отъ древности значительные запасы драгоценныхъ металловъ, въ формѣ церковной или домашней утвари, и обыкновенно обращавшихъ въ ту же форму излишекъ ходячей монеты, спросъ на которую не могъ быть

значителенъ, благодаря относительной рѣдкости обмѣновъ и господству такъ называемаго натурального, т. е. самодовлѣющаго хозяйства. Но если эта истина, — я разумѣю, та, что, будучи орудіемъ обмѣна, монета въ то же время является товаромъ — была сознаваема вполне уже такими писателями, какъ Николай Оремъ, совѣтникъ французскаго короля Карла VI, то европейскія правительства долгое время продолжали не только высказывать, но и проводить на практикѣ, ту точку зрѣнія, согласно которой одного изображенія короля достаточно, чтобы придать низкопробной монетѣ и даже просто бумажнымъ деньгамъ покупательную силу монеты должнаго вѣса. Когда Филиппъ IV Красивый, а позднѣе Генрихъ VIII англійскій, или, чтобы взять примѣръ изъ нашего собственнаго прошлаго, Алексѣй Михайловичъ выпускали свои низкопробныя монеты, золотыя, серебряныя и мѣдныя, они руководствовались тѣмъ-же соображеніемъ; но опытъ каждый разъ готовилъ имъ одинъ и тотъ же сюрпризъ, — возрастаніе цѣнъ на всѣ товары, а также и на трудъ. Денегъ оказывалось больше въ обращеніи, но покупательная ихъ сила была слабѣе, эти деньги стоили меньше прежняго. Порча чекана каждый разъ сопровождалась вполне понятнымъ недовольствомъ и ропотомъ населенія, и она поэтому рано или поздно имѣла своимъ послѣдствіемъ возвращеніе къ прежней системѣ полномѣсной монеты.

Тогда какъ въ средніе вѣка, особенно въ государствахъ, не имѣвшихъ собственныхъ золотыхъ или серебряныхъ рудъ, — а въ этихъ условіяхъ были одинаково и Италия, и Испанія, и Франція, и Англія, — правительства не прочь были преувеличить значеніе денегъ, какъ орудія обмѣна; съ момента наплыва золота и въ особенности серебра изъ Новаго Свѣта, они впали въ другую крайность и приучили себя къ мысли видѣть въ драгоценныхъ металлахъ самый желательный для страны товаръ. Опытъ Испаніи съ ея галерами, возвращавшимися изъ Перу и Ме-

ксики съ серебрянымъ и золотымъ грузомъ, Испаніи съ ея небывалымъ въ XVI в. экономическимъ процвѣтаніемъ, потребовавшимъ для своего созданія, благодаря обилію денегъ, одного-двухъ десятковъ лѣтъ, не болѣе, повидимому, оправдывалъ подобную точку зрѣнія. И вотъ подъ вліяніемъ такого односторонняго наблюденія складывается первоначальное ученіе меркантилистовъ, гласящее, что та страна должна считаться наиболѣе богатой, которая всего болѣе имѣетъ золота или серебра: это теорія металлическаго баланса. Ей не замедлила подчиниться и практика — возникли правительственные запреты вывозить золото и серебро; иностраннымъ купцамъ приказано было обмѣнивать привозимые ими товары на продукты испанскаго производства. И что же? несмотря на все это и благодаря тому, что вслѣдъ за накопленіемъ золота и серебра послѣдовалъ ростъ цѣнъ и заработной платы, очевидно не по иной причинѣ, какъ по той, что излишнее предложение золота и серебра повело къ его обезцѣненію, Испанія стала попадать въ условія, крайне неблагоприятныя для расширенія своей обрабатывающей промышленности и своихъ обмѣновъ. Послѣдствіемъ этого былъ постепенный отливъ золота и серебра въ другія страны, изъ которыхъ шли въ Испанію привлекаемые высокими цѣнами хлѣба и высокими заработками — сельскіе батраки и городскіе ремесленники. Конецъ XVI и начало XVII столѣтія становятся свидѣтелями не вполнѣ понятаго современниками факта возрастанія цѣнъ по мѣрѣ отлива испанскаго золота и серебра, постепенно и неравномѣрно въ разныхъ странахъ Европы, очевидно подъ вліяніемъ той же причины удешевленія драгоценныхъ металловъ, благодаря чрезмѣрному ихъ предложенію. Этотъ отливъ золота и серебра изъ Испаніи, вопреки всѣмъ правительственнымъ запретамъ и все болѣшему и болѣшему отпуску серебра и отчасти золота изъ Перу и Мексики, имѣлъ ближайшимъ послѣдствіемъ упадокъ искусственно созданной и неподдерживаемой народною предпримчи-

востью испанской промышленности. Недостача въ деньгахъ, уже въ царствованіе Филиппа II, сдѣлалась настолько ощутительной, что вызвала собою пріостановку платежей по государственному долгу, т.-е. явное банкротство испанскаго правительства. Продолжавшійся съ этого времени въ ускоряющейся прогрессіи экономическій упадокъ Испаніи, богатой золотыми рудниками, встрѣчается съ столь же поразительнымъ на первый взглядъ фактомъ быстрого экономическаго расцвѣта не имѣющей своихъ рудниковъ, но производящей обширныя торговые обмѣны Голландіи.

Когда къ этому факту прибавилось съ середины и въ особенности съ конца XVII в. выдающееся промышленное и торговое значеніе Англии, а также экономическое процвѣтаніе, правда краткосрочное, Франціи, вслѣдъ за насажденіемъ шерстяной и шелковой промышленности Генрихомъ IV и въ особенности Кольберомъ, пришлось отказаться отъ мысли, что количествомъ золота и серебра опредѣляется экономическое процвѣтаніе націй. На смѣну теории металлическаго баланса явилась теорія торговаго баланса, по которой наиболѣе процвѣтающею матеріально признается страна, имѣющая перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ. Но такъ какъ одинаково въ Италіи и Франціи желаніе обезпечить съ этою цѣлью быстрый ростъ промышленности потребовало искусственнаго ея поощренія въ формѣ не только высокихъ таможенныхъ пошлинъ на иноземныя мануфактуры, но и обезпеченія дешеваго труда запретомъ вывозить хлѣбъ за границу, то вполнѣ понятнымъ послѣдствіемъ явился упадокъ земледѣлія. Пока другія страны не оградили себя отъ итальянской и, позднѣе, французской промышленности такими же — частью запретительными, частью покровительственными пошлинами, къ какимъ прибѣгли Тоскана и Ломбардія, а затѣмъ правительство Людовика XIV, государство еще находило расчетъ въ возрастаніи количества вывозимыхъ имъ за границу мануфактуратовъ. Но съ момента, когда примѣръ

Италіи и Франці нашель повсюду подражателей, сказались всѣ невыгоды искусственнаго отвлеченія капиталовъ отъ земли, и устами сперва Bandini, затѣмъ Quéney и Gougnéy, наконецъ всей фізіократической школы съ ея многочисленными послѣдователями и за предѣлами Франціи сдѣланъ былъ призывъ къ освобожденію торговли хлѣбомъ отъ тяготѣвшихъ на ней запретовъ и къ возможной отмѣнѣ не только запретительныхъ, но и покровительственныхъ пошлинъ на иноземные товары. Односторонность фізіократическаго ученія, состоявшая въ признаніи бесплодными всѣхъ видовъ производства и обмѣна, не направленныхъ исключительно къ утилизаціи природныхъ богатствъ, богатствъ почвы и климата, заставила уже нѣкоторыхъ ближайшихъ предшественниковъ Адама Смита, одинаково во Франціи и въ Англии, въ томъ числѣ Тюрго, признать, какъ это сдѣлано было и великимъ обновителемъ науки, въ трудѣ—одинаково промышленномъ, земледѣльческомъ и торговомъ—ближайшій источникъ накопленія и народнаго богатства; тѣмъ самымъ вѣковья попытка разгадать причину экономического благополучія націй завершились построеніемъ одной изъ основныхъ теоремъ современной экономики. Я не буду умножать примѣровъ, я не стану показывать вамъ, какъ такіа, повидимому совершенно индивидуальныя гипотезы, какъ знаменитая Мальтусова теорія о несоотвѣтствіи между ростомъ населенія и накопленіемъ средствъ существованія, большей быстротѣ перваго и меньшей послѣдняго, подготовляема была на разстояніи вѣковъ частными наблюденіями надъ численностью жителей извѣстныхъ городовъ, именно Милана, Парижа и Лондона,—численностью, неспособною перейти извѣстнаго предѣла въ виду недостатка средствъ къ существованію. Съ этими наблюденіями и обобщеніями связаны имена такихъ писателей, какъ пьемонтецъ Ботеро въ XVI вѣкѣ и англичанинъ Вилліамъ Петти въ XVII в. Такъ какъ послѣдняго можно считать по праву однимъ изъ первыхъ по времени ста-

тистиковъ и такъ какъ въ гипотезѣ, окончательно обоснованной Мальтусомъ, но уже высказанной столѣтіями раньше, надо видѣть одно изъ основныхъ положеній современнаго ученія о народонаселеніи, то мы въ правѣ сказать, что, на ряду съ политической экономіей, и близкія къ ней дисциплины сложились подъ вліяніемъ историческаго опыта и послѣдовательныхъ наблюденій. Я бы могъ повторить это и по отношенію къ финансамъ, теорія которыхъ въ значительной степени сложилась на основаніи практики итальянскихъ и нидерландскихъ городскихъ республикъ; онѣ испытали на себѣ всѣ выгоды и невыгоды подушной подати, земельного налога и кадастра, подоходнаго и прогрессивнаго налога, наконецъ перевѣса акцизовъ или налоговъ на потребление надъ прямыми податями, задолго до болѣе крупныхъ народовъ Европы, Испаніи и Франціи, Англіи и Германіи.

Производительныя монополіи правительства, въ томъ числѣ соляная, сдача сбора налоговъ на откупъ, испробованы были въ Италіи раньше, чѣмъ во Франціи или Англіи, и здѣсь же правительства не разъ прибѣгали къ системѣ насильственныхъ займовъ у собственныхъ подданныхъ, къ продажѣ должностей и къ пониженію чекана, какъ къ средствамъ быстраго обогащенія казны. Неудивительно поэтому, если—частію въ качествѣ протеста противъ установившейся практики, частію какъ ея отраженіе,—сложились впервые въ Италіи основныя положенія такъ называемой науки о финансахъ, такъ что въ наши дни исторія финансовыхъ теорій Италіи, изданная нѣсколько лѣтъ назадъ палермскимъ профессоромъ Рикка-Салерно, сразу приобрѣла значеніе настольной книги для всякаго желающаго познакомиться съ генезисомъ финансовой науки.

Вы видите, господа, что желающему доказать необходимость изученія общественныхъ вопросовъ въ ихъ историческомъ освѣщеніи представляется только одна трудность: безпредѣльное богатство въ выборѣ примѣровъ и

иллюстрацій. Вы не потребуете отъ меня, разумѣется, дальнѣйшихъ доказательствъ, вы не ожидаете конечно, чтобы въ этомъ короткомъ очеркѣ, я вполне развилъ мысль о невозможности изученія и обширной области политики съ государственнымъ правомъ въ центрѣ безъ приложенія къ ней историко-сравнительнаго метода.

Одинъ этотъ методъ даетъ ключъ къ пониманію тѣхъ причинъ, благодаря которымъ предвидѣнная одинаково и Токвиллемъ, и Гизо демократизація Европы съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе совершившимся фактомъ.

Прошлое окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ и налагаетъ свою печать и на наши вѣрованія, и даже на нашъ разговорный языкъ. Если мы не вѣримъ болѣе въ домового, то намъ сплошь и рядомъ приходится встрѣчаться съ людьми, которые допускаютъ возможность возвращенія на землю душъ мертвецовъ, ихъ такъ называемую матеріализацію; но въ этихъ вѣрованіяхъ спиритовъ, точка зрѣнія которыхъ ничѣмъ существенно не отличается отъ той, которая сказывается въ страхѣ домового, выступаютъ нѣсколько тысячъ лѣтъ назадъ сложившееся представленіе, что между усопшими и живущими долженъ существовать постоянный обмѣнъ услугъ и одолженій. Древніе индусы, греки или римляне приносили жертвоприношенія своимъ предкамъ, а современные осетины, или пшавы, доселѣ кормятъ ихъ чучела и совершаютъ по нимъ періодическія поминки. Забытый своимъ потомствомъ предокъ становится злымъ гениемъ своего рода, въ противномъ же случаѣ духомъ покровителемъ и тѣснымъ союзникомъ въ мирѣ и на войнѣ.

Хотите убѣдиться въ томъ, что и въ разговорномъ языкѣ мы иногда сознательно, но еще чаще бессознательно, употребляемъ выраженія, смыслъ которыхъ становится ясенъ только при исторической справкѣ, и я укажу вамъ на весьма употребительную фразу о «крокодиловыхъ слезахъ», для обозначенія видимаго горя виновника

нашихъ несчастій. Я, признаюсь, самъ не разъ прибѣгалъ къ этому выраженію, не давая себѣ точнаго отчета въ его смыслѣ, и только недавно, въ сочиненіи, касавшемся исторіи древняго романа, я случайно натолкнулся на его объясненіе; очевидно, ни одинъ ученый зоологъ (спросите, наприм., нашего предсѣдателя, И. И. Мечникова) не въ состояніи будетъ сказать вамъ ничего особеннаго о крокодиловыхъ слезахъ, но народная зоологія на этотъ счетъ обнаруживаетъ несравненно большую притязательность. Въ одномъ сборникѣ XIII вѣка, извѣстномъ подъ названіемъ «Bestiaire d'amour» и помѣченномъ 1285 г., авторъ, нѣкій Ришаръ де-Фурнивалль, очевидно, давая выраженіе ранѣе его сложившимся сказаніямъ, говоритъ о крокодилѣ, что природа его такова, что при встрѣчѣ съ человѣкомъ онъ непременно пожретъ его, а затѣмъ плачетъ по немъ всю жизнь ¹⁾.

Изъ сборника Ричарда Фурнивалля разсужденіе о крокодиловыхъ слезахъ перешло въ ранніе англійскіе романы, между прочимъ въ извѣстныя странствія Эуфеуса, написанныя англичаниномъ Лилли въ царствованіе Елизаветы и переведенныя затѣмъ на всѣ европейскіе языки, что, разумѣется, содѣйствовало привитію одинаково и французамъ и англичанамъ, а въ концѣ-концовъ и намъ, извѣстнаго представленія о крокодиловыхъ слезахъ.

Итакъ, не даромъ творецъ положительной философіи, Auguste Conte, утверждалъ, что по меньшей мѣрѣ наполовину мы живемъ тѣмъ, что завѣщено намъ нашими предками. А если такъ, то вы согласитесь со мною, что общественныя науки, ставящія себѣ задачей истолкованіе современности, не могутъ обойтись безъ исторіи, указывающей намъ, что въ этой современности должно быть признано переживаніемъ прошлаго.

¹⁾ „Sa nature si est que quand il trouve un homme il le dévore, et quand il l'a dévoré, il le pleure tous les jours de sa vie“. Le roman aux temps de Schaekspeare par J. J. Jusserant, p. 48.

64468
~~3132~~

Особенность нашего преподаванія будетъ состоять, какъ вы видите, во-первыхъ, въ параллельномъ изложеніи спеціалистами экономики и этики, права и политики, не говоря уже объ этнографіи и другихъ смежныхъ дисциплинахъ, и, во-вторыхъ, въ приложеніи ко всѣмъ этимъ наукамъ историческаго или, вѣрнѣе, историко-сравнительнаго метода. Я прошу васъ обратить вниманіе на различіе, какое представляетъ изученіе историкомъ, обыкновенно получившимъ лишь филологическую подготовку, болѣе или менѣе чуждыхъ ему права, политики и экономики, и изложеніе тѣхъ же предметовъ спеціалистами, представляющими факты и теоріи въ порядкѣ ихъ историческаго преемства и послѣдовательности. Привѣтствуя тѣхъ историковъ, которые въ послѣднее время перенесли свою любознательность съ области простой передачи внѣшнихъ событій, войнъ, дипломатическихъ сношеній, придворной жизни и т. д. на область культуры или гражданственности, я въ то же время принужденъ сказать, что сколько-нибудь прочные результаты, напр., въ области экономической исторіи и исторіи экономическихъ ученій, добыты были не ихъ усиліями, а работами экономистовъ, орудовавшихъ историческимъ методомъ или методомъ статистическимъ. Мнѣ достаточно подтвердить эту мысль ссылкой на тѣ общеизвѣстные труды, какъ Исторія земледѣлія и цѣнь въ Англіи—Торольда Роджэрса, Исторія экономического развитія Германіи,—Инама Штернэга, или Исторія промышленныхъ и рабочихъ классовъ Франціи—Левассера, не говоря уже о классическихъ трудахъ Гансена, Мейцена и ихъ новѣйшихъ послѣдователей, одинаково, въ Германіи, Англіи или Франціи.

Я думаю, что если бы историки имѣли большую подготовку въ области общественныхъ наукъ, если бы имъ пришлось пройти хотя бы тотъ искусъ, къ которому мы приглашаемъ нашихъ слушателей, въ теченіе 2—3 лѣтъ, какихъ требуетъ прохожденіе полнаго курса предметовъ, преподаваемыхъ въ нашей школѣ, многіе бы споры, ко-

торымъ они посвящаютъ себя съ жаромъ, показались бы имъ праздными и безцѣльными. Сколько изведено было у насъ чернилъ, напр., въ доселѣ нерѣшенномъ спорѣ о томъ, былъ ли древне-русскій бытъ родовымъ или общиннымъ. А между тѣмъ, если бы лица, предававшіяся этому спору, были ближе знакомы съ тѣмъ разнообразіемъ переходныхъ формъ, какія представляетъ даже въ современной Россіи, не говоря уже о ея прошломъ, коллективная собственность, если бы они имѣли желаніе и возможность познакомиться съ тѣми едва замѣтными переходами, благодаря которымъ дворовая, а затѣмъ доле-вая община, возникающая на почвѣ захватнаго пользованія, переходитъ въ общину мірскую или сельскую, съ періодически повторяющимся уравнительнымъ передѣломъ—главнымъ представителямъ нашей исторіографіи, по всей вѣроятности, не пришлось бы ломать копій. Я взялъ этотъ примѣръ, такъ какъ онъ кажется мнѣ довольно характернымъ. Изъ него, я полагаю, выступаетъ съ наглядностью необходимость и лицамъ, усвоившимъ себѣ всѣ тонкости нѣмецкой исторической критики—обстоятельство, которымъ такъ гордятся наши молодые исторіографы—знать не по одной наслышкѣ и не изъ однѣхъ лишь популярныхъ книгъ и основныя доктрины политической экономіи, и главнѣйшіе результаты статистики, не говоря уже о догматикѣ современнаго государственнаго права и техникѣ нынѣ дѣйствующихъ политическихъ учрежденій.

Господа, мы не обѣщаемъ сдѣлать васъ ни экономистами, ни финансистами, ни статистиками, ни юристами, ни моралистами, ни политиками, ни тѣмъ болѣе историками, но мы надѣемся поставить васъ на ту дорогу, на которой при самостоятельномъ трудѣ и позднѣйшей спеціализаціи занятій вы въ состояніи будете сдѣлаться и экономистами, и юристами, и историками, и т. д. Изъ этой школы вы выйдете по крайней мѣрѣ съ знакомствомъ съ тѣми требованіями, какія предъявляетъ ко

всякому спеціалісту сучасна наука постановка суспільства. Ви ознайомтеся з тими методами, які обов'язкові для наукового дослідження. Від нас далеко думка заборонити ваші голови всією масою ще не повністю дослідженого і сирого матеріалу, який служить фундаментом, повторюю, для невідомого ще будівництва соціології. Але ми вважаємо в те саме час своє найближче обов'язком вказати вам способи підійти до цього матеріалу, піддати його науковій обробці і на ній обґрунтувати ваші далішні висновки.

2/20

ВВЕДЕНИЕ
1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ
2. ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ
3. МЕТОДИКА
4. РЕЗУЛЬТАТЫ
5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

00053327

ЮФ СПбГУ

1500

1900
13300
8100
5200

5

